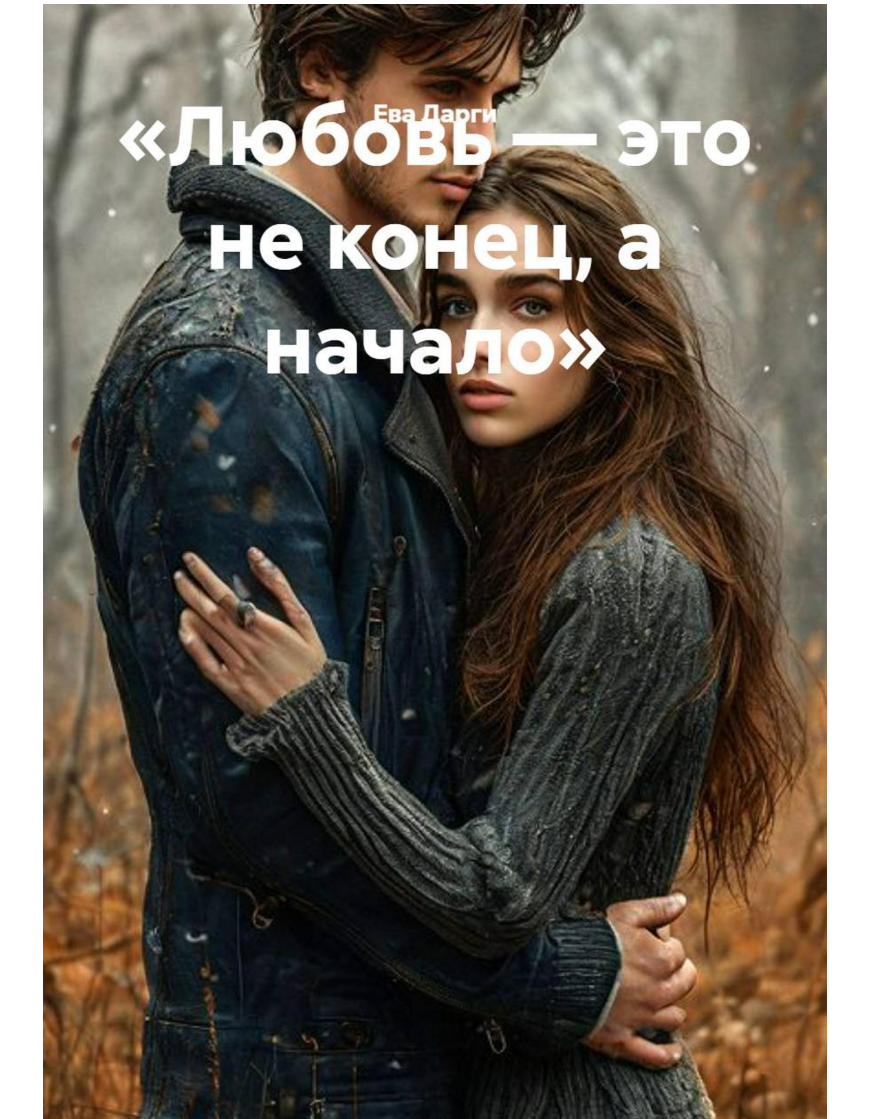

A romantic couple in a post-apocalyptic setting. The man, on the left, has dark hair and a beard, wearing a dark, worn leather jacket. The woman, on the right, has long brown hair and is wearing a grey, textured sweater. They are embracing each other in a field of dry, brown grass. The background is a blurred, hazy landscape with some trees. The text is overlaid on the image in a large, white, sans-serif font.

Ева Дарги
«Любовь — это
не конец, а
начало»

Ева Дарги

«Любовь — это не конец, а начало»

<https://litres.ru/74520734>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Любовь — это не конец, а начало — история о взрослении чувств, о поиске баланса между я и мы. Это рассказ о том, как не потерять себя в отношениях и научиться уважать путь другого человека.

Александр привык держать всё под контролем: цифры, расписание, эмоции. Его жизнь — идеально выверенная система, в которой нет места хаосу и ошибкам. Софья, напротив, живёт без плана: её мастерская — целый мир, где кривые линии ценнее идеальных, а свобода важнее комфорта.

Их встреча рушит привычный порядок Александра и заставляет его впервые задуматься: а что, если ошибки — не слабость, а начало чего-то настоящего? Фраза «Любовь — это не конец, а начало» становится для героев и испытанием, и надеждой. Смогут ли они научиться доверять друг другу и себе, если каждый шаг за пределы зоны комфорта кажется падением?»

Содержание

Пролог. Первый звонок (Невидимые нити)	4
Глава 1. Одиночество как привычка	10
Глава 2. Искусство жить иначе	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ева Дарги

«Любовь — это не конец, а начало»

Пролог. Первый звонок (Невидимые нити)

Раннее утро. Город задыхается под одеялом дождя. Этот шум — не просто дождь, а эхо реальности, которая трещит по швам, будто кто-то тянет её за края, пытаясь разорвать.

Александр вваливается в квартиру после пробежки, и каждый шаг отдаётся в груди глухим ударом. Сердце колотится о рёбра механическим молотом — единственное живое доказательство того, что он всё ещё существует. Или что ему *кажется*, будто он существует.

Телефон вибрирует на стеклянном столе, заставляя поверхность дрожать мелкой нервной дрожью. На экране — незнакомый номер. На аватарке... девушка. Растрёпанные, влажные волосы прилипли к шее. Она смотрит прямо в камеру так, словно стоит у него за спиной уже много лет — будто он просто не оборачивался.

Палец сам нажал «Сброс».

Отражение в чёрном глянце стола пугало: лицо перекошено, глаза воспалены, будто он только что вынырнул из кошмара, но не может вспомнить, где был. Он взял телефон снова. Разблокировал.

— Ты не спишь, — раздался голос. В нём не было вопроса. Только констатация давно известного факта, от которой по спине пробежал ледяной ток.

Горло свело спазмом. Он знал этот тембр из глубин памяти, которой у него не было. Или, которая не должна была быть.

— Кто это? — просипел Александр, хотя лёгкие уже отказывались принимать воздух, заранее зная ответ.

— Я. Мы встречались два часа назад. Кафе на «Причале». Тот столик у окна.

Два часа назад.

Галлюцинация от переутомления? Или память о сне, который он успел стереть сразу после звонка будильника — как стирают мел с доски, надеясь, что рисунок не отпечатался на стене?

Его собственное тело реагирует раньше разума: ладони ледяные, пульс рвёт вены, будто пытается вырваться наружу.

Голос, которого не должно было быть, продолжал звучать спокойно, почти буднично:

— Вы ошиблись номером, — сказал Александр чужим голосом, как адвокат, защищающий пустоту.

— Может быть. Но я звонила не вам. Я звонила этому,

— голос стал насмешливым, интимным, проникающим под черепную коробку, как холод сквозь тонкую ткань. — Тебе. Который пьёт чёрный кофе без сахара и читает статьи о природе времени во вторник вечером.

Одержимость временем — его попытка построить дамбу против хаоса жизни. А теперь эта дамба трещала по всем швам.

Подсознание бьёт в самое слабое место.

Память ударила током. Тот самый момент в кафе. Но теперь он понял страшное: он видел эту сцену вчера во сне, просто списал это на усталость.

Столик у окна. Девушка рисует, игнорируя гомон мира. На салфетке — спутанный клубок линий. Лимонад с четырьмя пакетиками сахара, четыре попытки судьбы достучаться сквозь бетон его защиты. Блокнот со стикером: «Если время — деньги, то я банкрот».

— Можно, я расплачусь рисунком?

— Вы художник? — спрашивает официант.

— Пытаюсь им не стать окончательно. А вы зачем вообще здесь?

«Зачем мы здесь». Вопрос, который он задавал себе годами, пока не научился глушить его покупкой нового объектива для камеры.

Холодный чай с ледяной коркой на поверхности в сорокаградусную жару. Лёд обжигает пальцы.

Фотография десятилетней давности: молодой Александр

на мосту. Бумага буквально раскалена — она сжигает кожу.
— Это ты мне принёс, — шепчет девушка сквозь треск помех, будто связь идёт сквозь время, а не через вышки. — во сне. Ты сказал: спаси меня. Я не хочу падать.

Мост. Место его личного апокалипсиса. Точка невозврата, которую он обходил стороной десятилетиями.

— Хорошо, — говорит он вслух пустой квартире, будто убеждая себя, что она всё ещё пустая. — Доказательства.

— Задай вопрос, который знаешь только ты.

Воздух застыл.

— Что я думал вчера в 3:17 ночи?

Её губы белеют от холода, которого нет в комнате:

— Если она действительно существует... пусть придёт и сломает меня.

3:17 ч. Время демонов. Время, когда контроль засыпает, и наружу выползает то, что ты прятал.

Сломает меня. Его душа устала строить стены и жаждала обрушения — не чтобы погибнуть, а чтобы наконец перестать держать эту тяжесть.

Ледяная хватка подсознания.

Воздух густеет, превращаясь в стекло. Стены плывут акварелью, будто кто-то размывает их мокрой кистью. Её радужки затягивает белая пелена слепоты — или это его зрение плывёт?

Она подходит вплотную. Ему хочется бежать, но ноги врастают в пол, будто корни прорастают сквозь ботинки.

— Ты забыл, как ходить, — говорит она.

— Что ты делаешь?! — крик тонет в вакууме, как звук в воде.

Он хватается край стола, ногти ломаются о дерево, оставляя мелкие зазубрины, которых не было секунду назад.

— Ничего. Ты просто забыл, как дышать.

Асфиксия. Паническая атака материализовалась, стала плотью и холодом. Страх одиночества душит его физически, как чьи-то пальцы сжимают горло.

Она прижимает ладонь к его лбу. Лёд проступает у него под кожей — не снаружи, а изнутри, будто кровь превращается в кристаллы. Сосуды замерзают, капилляры лопаются, оставляя под эпидермисом узоры трещин, как на разбитом фарфоре.

— Ты боишься, что я права, — её дыхание морозное, но внутри грудной клетки Александра вспыхивает ядерный взрыв жара, противоречащий всему.

— Ври, — она давит сильнее. Лёд ползёт выше, захватывая шею, но где-то в центре груди горит крошечное, упрямое пламя.

— Ты прячешься даже от себя.

Дверь исчезает. Вместо неё — чёрная дыра, втягивающая остатки света.

— Если уйдёшь сейчас, я больше не смогу тебя защитить. Ты останешься один на том мосту навсегда.

— А если останусь?

— Я научу тебя летать.

Она целует его. Губы высасывают тепло, вытягивают душу через рот, но внутри него вместо смерти разгорается сверхновая — неконтролируемая, ослепляющая.

Белая пелена заволакивает его собственные глаза.

— Это не я, — хрипит он в её холодные губы.

— Это ты.

— Ты знал, что так будет. Симбиоз завершён. Человек и его болезнь стали одним целым.

И в тот момент, когда мир рассыпается на пиксели, он вдруг понимает: самое страшное не в том, что это сон. Самое страшное — в том, что он не хочет просыпаться.

Глава 1. Одиночество как привычка

Он падает с кровати на ледяной паркет — и на секунду замирает, прислушиваясь к тишине, которая здесь звучит громче любого крика. Комната кажется могилой после эксгумации: холод высасывает жизнь капля за каплей, будто сама квартира знает, что в ней давно никто не живёт по-настоящему.

Он весь мокрый. Слёзы смешиваются с потом, и он не сразу понимает, где чья влага — да и не хочет понимать. Пытается убедить себя рационально, вирус. Грипп. Переутомление. Нужно вызвать врача. Но слова звучат фальшиво даже для него самого — как заученная фраза из инструкции, которую он повторяет, чтобы не сойти с ума.

Что-то жжёт в центре груди, как незаживающий химический ожог. И почему он плакал во сне навзрыд, как ребёнок, которого забыли забрать из детского сада?

Девушка ему не приснилась. Она — его диагноз. Его подсознание, которое больше не может смотреть, как хозяин методично совершает самоубийство через комфорт.

Обед с коллегами. Это был тот самый пункт расписания, который должен был доказывать, что он не один.

Офис гудел привычным шумом, стук клавиатур, приглу-

шённые разговоры, звяканье чашек в кухне. В столовой пахло разогретыми в микроволновке контейнерами и дешёвым кофе. Александр сел за общий стол, привычно отодвинув стул чуть дальше, чем остальные, — так, чтобы между ним и миром оставалось безопасное расстояние в тридцать сантиметров.

— Слышал, пробки сегодня — ад, — сказал Игорь, энергично размешивая сахар в кофе. Он всегда говорил про пробки, погоду или новый сериал, который все посмотрели, кроме Александра.

— Ага, — ответил Александр, глядя в тарелку. Макароны с сыром, разогретые до состояния, когда сыр уже не тянется, а просто лежит жирными островками.

— А ты как, нормально? Вид у тебя... ну, знаешь, будто всю ночь составлял таблицы в темноте.

Александр улыбнулся той самой улыбкой, которую тренировал годами, уголки губ чуть приподнимаются, глаза не участвуют. Механическая, но убедительная.

— Всё хорошо. Просто сплю плохо.

И тут же пожалел, что сказал хоть что-то, теперь от него ждали продолжения, какого-то намёка на человеческую уязвимость, которой у него не было в меню на сегодня.

Рядом хохотнула Марина, прикрыв рот ладонью, и Александр поймал себя на том, что смотрит на эту ладонь, как на что-то невероятно далёкое и чужое. Как будто она жила в другой вселенной, где люди смеются искренне, а не чтобы

заполнить тишину.

Шутки за столом были безопасными, как игрушки из пластика, не острые, не царапаются, не могут ранить. Александр кивал, улыбался, иногда вставлял что-то нейтральное. Его смех звучал, как запись с кассеты, которую прокрутили слишком много раз: знакомый, но безжизненный.

А внутри всё сжималось от одной мысли, они не видят меня. Они видят человека, который сидит на этом стуле. Функцию. Коллегу. Не меня.

Когда обед закончился, он почувствовал не облегчение, а странную пустоту — будто из него выкачали ещё немного воздуха, оставив ровно столько, чтобы он мог дойти до рабочего места и снова стать незаметным.

Он был бухгалтером. И в этом слове для него не было ни порядка, ни спокойствия — только бесконечная, выматывающая точность. Каждый день он сводил дебет с кредитом так, будто от этого зависела судьба мира, а на деле — просто чтобы цифры совпали и никто не задал лишних вопросов. Отчёты он делал с той же холодной аккуратностью, с какой хирург накладывает швы ровно, чисто, без лишней крови.

Проекты, которыми он руководил, он презирал всей душой, сухие, безликие, выхолощенные до состояния чтобы было красиво на слайде. Ему поручали оптимизировать процессы, выстроить систему контроля, снизить издержки — и он делал это безупречно, потому что безупречность была его бронёй. Чем идеальнее сходились цифры, тем меньше хоте-

лось думать о том, что внутри.

Иногда, сидя перед экраном, он ловил себя на странном ощущении, он не управляет этими таблицами — они управляют им. Каждая ячейка требовала подтверждения, каждая формула — проверки, каждый отчёт — ещё одной подписи, ещё одной строчки, ещё одного да, всё верно. И в этой бесконечной цепочке да не оставалось места для, а что, если нет?

На совещаниях он говорил ровно столько, сколько требовалось, чтобы его не сочли непрофессиональным, и ни словом больше. Его уважали за точность и боялись за холодность. Никто не знал, что эта холодность была не силой, а способом не рассыпаться.

Кафе на «Причале». — его точка декомпрессии. Место, где можно было посидеть в одиночестве, но так, чтобы это выглядело как просто зашёл выпить кофе, а не мне некуда пойти.

Он сидел у окна, наблюдая, как дождь рисует на стекле кривые линии, похожие на чужие, неразборчивые письма. Официантка знала его заказ, чёрный кофе без сахара. Иногда она пыталась завести разговор: как день? или снова дождь, да? — и Александр отвечал ровно то, что от него ждали: нормально, да, уже привык.

В такие моменты он чувствовал себя актёром в крошечном театре, где единственный зритель — он сам, и даже ему скучно.

Забыл, как дышать. Забыл, как ходить. Это были не мета-

форы, а реальные симптомы человека, который заживо похоронил себя в саркофаге нормальности.

Мост — это страх перед пустотой, которая наступит, если убрать работу, рутину и правильные привычки. Страх перед тишиной, в которой придётся услышать собственный голос.

Я умел быть один. Это была моя единственная специальность, доведённая до автоматизма нейрохирурга, — думал он, и в этой фразе была не гордость, а горечь.

В квартире Александр сидел на тёмно-сером диване, купленном по скидке в мебельном гипермаркете. Не потому, что тот был удобным, а потому, что обивка называлась «антивандальной» и отталкивала жидкости. Практичность стала его религией.

Вокруг возвышались четыре стены с фотообоями Венеции. Он никогда там не был. Картинка выглядела дорого и безопасно — идеальный фон для жизни, которой никто не жил.

На полу лежал ковёр цвета мокрого асфальта. Александр никогда не наступал на него босиком. Ему казалось, что он оставит след. Отпечаток своей несовершенной, потеющей человечности на этом идеальном сером поле.

Его жизнь напоминала кардиограмму мертвеца — идеально прямую линию, которую врачи называют асистолией.

07:30 ч. Йогурт без вкуса. Чёрный кофе. Боль в желудке от голода глушилась чувством превосходства над теми, кто ест круассаны вялая тоска, замаскированная под самодисци-

плину.

12:00 ч. Обед с коллегами. Механические шутки. Он улыбался, двигая челюстями. Звук собственного смеха казался записанным на старую кассету скука с примесью физического отвращения.

19:00: Ужин с друзьями. Два бокала вина. Алкоголь делал картинку мира чуть менее чёткой, скрывая пиксели экзистенциального ужаса за вежливой усталостью лёгкий ступор, желание, чтобы рот собеседника перестал открываться.

23:30: Книга «Как перестать беспокоиться». Облегчение от того, что день наконец закончился и можно нажать кнопку «Выкл».

Он не думал об одиночестве. Само слово пахло поражением, старым халатом и кошками. Он думал о комфорте. Его одиночество было не раной, сочащейся кровью, а титановой бронёй, которую он надевал каждое утро перед выходом из дома.

Работа была частью этой брони. Сводить дебет с кредитом — значит держать мир под контролем хотя бы на бумаге. Вести проекты, которые презирал, — значит не оставлять себе времени на сомнения. Чем больше отчётов он подписывал, тем меньше ему хотелось спрашивать себя: А ради чего?

Друзья — те, кто умеет говорить только о погоде, пробках и ипотеках, никогда не задавая вопроса, а ты вообще счастлив? Этот вопрос казался ему грубым нарушением личного пространства, попыткой залезть в карман без спроса. Но

иногда, в самые тихие минуты, он ловил себя на мысли, а что, если он сам боится задать этот вопрос? Боится услышать ответ.

Его безопасность строилась на отсутствии риска. Если не высовываться — тебя не ударят. Если не любить — тебе не разобьют сердце.

Существует два типа одиночества. Александр интуитивно понимал оба, но выбрал худший.

Свобода — когда выбираешь изоляцию, потому что мир слишком громкий.

Плен — когда дверь открыта, но у тебя нет сил сделать шаг наружу, потому что за порогом — непредсказуемость.

А здесь, в клетке, хотя бы кормят по расписанию.

Его одиночество было классическим пленом, декорированным под осознанный выбор.

Чтобы читатель почувствовал эту мёртвую хватку правил, достаточно взглянуть на контраст:

Ложка. Он кладёт её строго на 12 часов. Геометрическая точность даёт иллюзию, что он контролирует гравитацию. Живой человек бросает ложку со звоном. Хаос звучит лучше, чем тишина морга.

Яблоко. Он чистит его ножом, снимая кожуру миллиметр за миллиметром. Ритуал хирурга: удалить всё лишнее. Живой человек впивается зубами в хрустящую кожуру, чувствуя привкус земли и солнца.

Отчёт. Для него это не просто цифры — это способ не чув-

ствовать. Он проверяет каждую строчку по три раза, потому что, если всё сходится, значит, в мире есть хоть какой-то порядок. Живой человек мог бы сказать: ладно, и так сойдёт. Но Александр не мог позволить себе сойдёт.

Одежда. Белая рубашка, серые брюки. Униформа человека-невидимки. Живой человек надевает джинсы с дырой на колене — ему хочется, чтобы ветер трогал кожу, напоминая, что он ещё дышит.

Итог: Александр замер на диване, боясь пошевелиться. Он привык к своему расписанию, к этой безопасной температуре в двадцать два градуса. Но впервые за долгие годы мысль, холодная и скользкая, как змея, проползла в сознание, это не защита. Это гроб. Стены которого обиты самым дорогим серым бархатом.

Его счастье было идеальной анестезией. Он ампутировал в себе всё живое, рискованное и уязвимое, чтобы не совершить ошибку. Но биологический парадокс заключается в том, что ошибка — это единственный признак того, что ты существуешь, а не являешься алгоритмом в чьём-то смартфоне.

Девушка ему не приснилась. Она — первая судорога пациента, которому начали вводить антидот после долгой комы. И эта детоксикация будет похожа на смерть.

Но в глубине души, там, где он не позволял себе думать, шевелилось что-то новое: слабый, едва уловимый голод. Голод по настоящему теплу. По разговору, в котором не нужно

надевать маску. По человеку, который спросит, а ты как на самом деле? — и будет готов услышать правду.

И от этого голода становилось ещё страшнее, потому что он не знал, как его утолить.

Глава 2. Искусство жить иначе

Кофейня. Вечер

Место пахло жжёным сахаром, мокрой шерстью и скипидаром — будто кто-то пытался сжечь прошлое, но оно упорно возвращалось. Маленькая кофейня в старом районе напоминала внутренность калейдоскопа: стены были заклеены нестандартными постерами, наслаивавшимися друг на друга, как воспоминания, от которых не избавиться; тяжёлые деревянные столы хранили шрамы от сотен ожогов сигаретами и радужные круги от чашек — словно следы чьих-то попыток удержаться на плаву.

На окнах вместо штор висели занавески из разноцветных лоскутков, сквозь которые свет фонарей падал пятнами, раскрашивая пол в рваные квадраты света. Казалось, будто сама реальность здесь шла трещинами, и в эти трещины проглядывало что-то настоящее.

Александр сидел за последним свободным столиком у окна, отгороженный от мира матовым стеклом телефона. Его мир был расчерчен по линейке: график задач на неделю выверен до минуты, каждый шаг просчитан, каждая секунда застрахована от случайности. Он заказал чёрный кофе без сахара — горький, честный вкус контроля — и апельсин. Кожура плода была срезана одной непрерывной спиралью, обнажая идеальные, одинаковые дольки, не тронутые ни одним

белым волокном. Это был маленький ритуал: если всё будет ровно, значит, и день пройдёт ровно.

Дверь распахнулась с грохотом, впустив порыв ледяного ветра с Невы и звук уличного джаза, который звучал так, будто музыканты спорили с погодой. В проёме возникла фигура, заставившая время внутри кафе загустеть, как сироп, в котором вязнут часы.

Она не вошла — она вторглась, как шторм, которому тесно в четырёх стенах.

Девушка словно состояла из острых углов и электрического тока. Её волосы представляли собой спутанный шлем из дредов всех оттенков осеннего пожара: ржавчина, выжженная охра, болотная зелень. Но самым странным было лицо. Оно казалось нарисованным ребёнком-великаном: слишком большие глаза цвета штормового моря, россыпь бледных веснушек, игнорирующих симметрию, и улыбка, чуть смещённая вправо, отчего один уголок губ всегда казался приподнятым в усмешке над самой вселенной.

Её одежда выглядела как вызов текстильной промышленности: ярко-оранжевый рабочий комбинезон размера на три больше нужного, заляпанный краской так, что ткань стояла колом. Поверх него — жилет, явно перешитый из старого плюшевого ковра. Ботинки перемотаны синей изолен-той крест-накрест, а рюкзак раздут так, будто внутри лежали кирпичи или части чужих судеб.

Она бросила сумку на пол. Удар тяжёлой пряжки о доски

прозвучал как точка в конце предложения — или как начало нового.

— Дайте самое сладкое, что у вас есть. И двойной сироп. Мне нужно заправить нервную систему, — голос оказался низким, с лёгкой хрипотцой курильщика, совершенно не вя-
завшейся с её хрупким телосложением.

Бариста смотрел на неё с открытым ртом, забыв про эспрессо-машину. Посетители замерли. Кто-то тихо фыркнул, оценив этот карнавал безумия. Но в этом смешке не было злобы — скорее, зависть к той свободе, с которой она занимала пространство.

Девушка взяла свой стакан, сделала огромный глоток, оставив на краю след яркой помады, похожий на мазок кистью. Потом подошла к столу, где сидел Александр, присела, поставила локти на липкую поверхность и достала из кармана... мандарин.

Александра парализовало. То, что произошло дальше, нарушало законы физики, этикета и его личной конституции.

Она не стала чистить плод. Не стала разделять на дольки. Резким движением больших пальцев вспорола кожуру, брызнув эфирным маслом ему прямо в глаз, и откусила половину вместе с горькой белой прослойкой. Сок потёк по её подбородку, капнул на воротник комбинезона. Она слизнула его языком, даже не пытаясь сохранить достоинство, прикрываясь салфеткой.

Внутри Александра сработала пожарная сигнализация.

Его внутренний метроном сбился. План на вторник трещал по швам, как старая плёнка. Эта женщина была ошибкой системы. Бракованный пиксель на идеальной матрице его жизни. Грязь под ногтями, капли сока на ткани, шумное жевание — всё это вызывало физический зуд на кончиках пальцев. Желание достать влажную салфетку и протереть сначала её рот, а потом весь этот бардак вокруг.

Он моргнул, пытаясь сбросить наваждение. Наверное, просто переутомление. Электролитный дисбаланс. Нужно взять отпуск. Или купить новые витамины группы В повышенной концентрации.

Но когда он снова поднял взгляд, логика отказала окончательно.

Сквозь витрину, заливаемую косым дождём, подсветка бара падала на её профиль. И Александр увидел нечто, что его рациональный ум отказался классифицировать. Это не была небрежность. Это была абсолютная свобода владения своим телом.

То, как капля сока блестела в ямочке на её щеке, напоминала драгоценный камень. То, как цветастый рукав задрался, обнажив тонкое запястье с браслетом из медной проволоки и старым розовым шрамом — неровным, бугристым, зажившим вопреки правилам медицины. Этот шрам кричал историю падения, боли и любопытства.

Она двигалась так, будто гравитация была лишь вежливой просьбой, которую можно отклонить. Каждый её жест ломал

геометрию пространства.

Если Александр был классической музыкой — строгой, математически выверенной симфонией Моцарта, то она была взрывом сверхновой — хаотичным, разрушительным, но невыносимо прекрасным.

Вот она. Мысль пришла не из мозга, а откуда-то из-под рёбер, горячая и пугающая. Та, которая всё ломает.

Испугавшись этого вторжения первобытного хаоса в свою стерильную вселенную, он резко зажмурился, крепко сжав веки до белых пятен. Когда он открыл глаза, она всё ещё была здесь — и это было страшнее, чем если бы она исчезла.

Первый разговор

— Софья, — мягко произнесла она.

Александр вздрогнул. От неожиданности он выпалил своё имя в ответ и только потом осознал, что так и не спросил, как её зовут.

Он торопливо отложил телефон в сторону. Щёки тронул румянец смущения, но отвести от неё взгляд он был просто не в состоянии: она притягивала, как магнит, и пугала, как оголённый провод.

— Ты что, на работу? — она кивнула на его деловой костюм.

— Нет, домой после работы.

— Ага, значит, ты из тех, кто всё планирует, — она улыбается, и у неё один зуб кривой. Эта неправильность почему-то делает улыбку настоящей.

— А что, есть другие? — Александр пытается сохранять спокойствие, но голос дрожит от раздражения — и от чего-то ещё, похожего на любопытство.

— Конечно. Я вот живу без плана.

Она откусывает ещё кусок апельсина, и сок капает на рубашку. Александр морщится, но уже не так сильно.

— Грязь — это нормально. Дышать — это нормально. Падать — это нормально.

— Падать? Это не нормально. Это слабость.

— Ага, значит, ты никогда не падал? — Она смотрит ему в глаза, и в её взгляде нет насмешки, только любопытство — такое, будто она пытается разглядеть, что прячется за фасадом.

Он запинается:

— Я... падать не позволяю.

— А зря, — она достаёт из кармана крошечный блокнот и рисует что-то на уголке салфетки.

— Падение — это не конец. Это начало чего-то нового.

Александр смотрит на её рисунок — абстрактная линия, которая ломается и снова растёт.

— Что это?

— Мост. И дерево, которое упало, но пустило новые корни.

В этот момент Александр вдруг замечает, как свет ложится на её ресницы, превращая их в тонкие золотые нити. И впервые за долгое время ему хочется не исправить что-то, не

выровнять, а просто смотреть. В ней был тот самый лучик света, который пробивается сквозь плотные шторы в комнате, где слишком давно не открывали окна. Лучик, который не обещает тепла, но напоминает, что где-то есть солнце.

Разговор о жизни

Она рассказывает о себе — коротко, но ёмко, будто каждое слово стоит дорого:

— Я выросла в семье художников. Мама писала маслом, папа делал инсталляции из мусора. Мы никогда не были богатыми, зато никогда не скучали. У нас всё было не так, как у людей: стены в квартире были расписаны, мебель была сломана и переделана, еда — случайная. Однажды я решила, что хочу свободу, — и ушла из дома в шестнадцать. Жила у друзей, спала на полу, ела доширак, рисовала на обоях. Меня выгоняли с выставок за слишком яркие цвета, называли безвкусной, но я не останавливалась. Потому что свобода важнее комфорта.

Она показывает ему руку — шрам от пореза, который застарел криво.

— Это от любопытства. Я резала стекло без защиты. Больно было, но я сделала это сама.

Александр слушает, и ему становится не по себе. Он никогда не жил так — без правил, без графика, без гарантий. Его мир строился на том, чтобы избегать боли, а она, кажется, шла ей навстречу, чтобы проверить, насколько она настоящая.

— А что важно всего? — он спрашивает, но боится ответа.

— Свобода, — она не раздумывает.

— Потому что комфорт — это клетка. А я не люблю клетки.

И тут он вдруг понимает: её свобода не разрушает, она предлагает выход. Не через дверь, а через окно, через разбитое стекло, через риск. И в этом есть что-то пугающе притягательное: она словно держала в руках ключ от двери, которую он сам, когда-то намертво запер.

Она заканчивает апельсин, бросает кожуру в мусорку, не попадая — промахивается нарочно — и встаёт.

— Мне пора. У меня мастерская, где краска течёт с потолка.

— Ты всерьёз? — Александр не может удержаться от улыбки. Впервые за долгое время улыбка выходит не механической, а настоящей — от удивления.

— Ага. Жизнь — это не чистый лист.

Она идёт к двери, но останавливается и поворачивается:

— Ты завтра будешь здесь?

— Не знаю, — он не уверен. Его расписание уже кричит о нарушении протокола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.